

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Aleksander SMOLAR

TABU
I NIEWINNOŚĆ

Universitas

Александр СМОЛЯР

ТАБУ
И НЕВИННОСТЬ

·МЫСЛЬ·
Москва
2012

УДК 323/234(438)(091)+94(438)"1944/..."
ББК 66.3(4Пол)+63.3(4Пол)63
С18

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с польского: Е. Гендель

Смоляр А.
С18 **Табу и невинность** / Александр Смоляр ; пер. с польск.
Е. Генделя. — Москва: Мысль, 2012. 520 с.
ISBN 978-5-244-01148-7

УДК 323/234(438)(091)+94(438)"1944/..."
ББК 66.3(4Пол)+63.3(4Пол)63

ISBN 978-83-242-1332-0
ISBN 978-5-244-01148-7 (рус.)

© 2010 by Aleksander Smolar
© 2010 by TAIWPN Universitas
© Мысль, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Г. Эш.</i> ВВЕДЕНИЕ	7
Я ЕХАЛ В ПУСТОТУ, А ВОЗВРАЩАЛСЯ С РАДОСТЬЮ	18
ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	31
КОР.	33
Между примирением и восстанием	59
Потребность в разговоре	82
Что будет, если выиграет СЛД?	86
Польская революция	102
Приключения гражданского общества	129
Люстрация по нашим меркам	148
Революция без утопии	168
Рапортую о своих пожеланиях, господин президент	187
Радикалы у власти	205
От революции к апатии.	238
ПАМЯТЬ И СООБЩЕСТВО НАРОДОВ	251
Табу и невинность	253
Внешняя политика и ее противники	314
Миф беспорочной Франции	336
Кнут против диктаторов	351
Парижский Май и польский Март	364
Россия в новом мире	380
Память и сообщество народов	393

БЕСЕДЫ И ПРОЩАНИЯ	409
Беседа с Реймоном Ароном	411
Беседа с Ежи Гедройцем	424
Прощание с Котом Еленьским	463
Сделать мир сносным.	472
Почести антигерою	481
ПРИМЕЧАНИЕ ПОЛЬСКОГО ИЗДАТЕЛЯ	493
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	496
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	510

Тимоти Гартон Эш

ВВЕДЕНИЕ

У слова «анализ» древнегреческие корни, и первоначально оно означало разложение чего-либо на составные части с целью лучшего понимания. В различных значениях указанное слово появляется в математике, грамматике, химии и оптике. В философии оно обладает дальнейшими коннотациями: «поиск источников исследуемого явления или объекта», раскрытие общих принципов, лежащих в основе определенных явлений.

Александр Смоляр является превосходным аналитиком польской политики, по моему мнению — самым лучшим из числа ныне живущих. Можно задаться вопросом, какой набор качеств играет в этом решающую роль. Ответы дают собранные здесь эссе. Анализируя его анализы, мы выявляем их составные элементы.

Во-первых, о Смоляре можно сказать в настоящем времени ровно то, что сам он говорит здесь в прошедшем о Марек Эдельмане: «...страстно увлекался политикой»¹. Один мой знакомый англичанин говорит, что британская политика выглядит для него как театральная спектакль, который играется ежедневно. Утром он просыпается и думает: «Что же случится на сцене сегодня?» Полагаю, точно так же обстоит дело и с автором этих эссе.

¹ Марек Эдельман (1922–2009) — до войны член Бунда; в годы войны — замкоменданта Еврейской боевой организации варшавского гетто во время восстания 1943 г. в нем — последний (после гибели М. Анелевича) командир повстанцев; в дальнейшем состоял в Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании 1944 г. После войны стал видным врачом-кардиологом. С 1976 г. член Комитета защиты рабочих (КОР), в период военного положения подвергался в 1981–1982 гг. интернированию. Прощанию с ним посвящено последнее эссе этой книги. — *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.*

Многие из тех, кто разделяет с ним названную страсть, выбрали для себя карьеру реального политика, ангажировавшись непосредственно в партийное соперничество за власть. Да, конечно же, Смоляр активно включился в поддержку КОРа¹ и всей польской демократической оппозиции, а после 1989 года участвовал в рождении, в последующей земной жизни и в конечном итоге в жизни загробной [таких либеральных партий, как]² Уния свободы и [ее наследница] Демократическая уния. Однако он всегда сохранял критическую дистанцию, столь необходимую хорошему аналитику. Знал, что «слово имеет решающее значение», если процитировать Ежи Гедройца³ из беседы с ним, помещенной в данном томе. Поэтому Смоляр употреблял слова не как политик, для которого они служат лишь инструментом в борьбе за власть, а как интеллектуал, которому слова помогают добраться до правды. В этом смысле он всегда был *spectateur*

¹ Комитет защиты рабочих (польская аббревиатура KOR, или КОР), созданный в 1976 г. рядом известных польских диссидентов-интеллектуалов в качестве ответа на репрессии властей против участников рабочих протестов, был, как и ряд правозащитных организаций в СССР, следствием принятия Заключительного акта хельсинкской Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. КОР быстро перерос рамки своей первоначальной задачи (финансовой и юридической помощи рабочим, которые подвергались преследованиям) и стал первой институциональной формой оппозиции, сыграв огромную роль в развитии рабочего движения и возникновении независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность», зарегистрированного в ноябре 1980 г. и вскоре объединившего почти 10 млн членов.

² В квадратных скобках пояснения переводчика. — *Ред.*

³ Ежи Гедройц (1906–2000) — выдающийся польский публицист и политический деятель, после войны основатель и бессменный главный редактор действовавшего в Мезон-Лаффите близ Парижа ежемесячного общественно-политического и литературного журнала «Kultura» («Культура»), который стал центром польской политической и общественной мысли не только в эмиграции, но и в Польше, где распространялся нелегально. Помимо «Культуры» Гедройц основал также издательство «Instytut Literacki» («Институт литерачки», «Литературный институт»), выпускавшее целые серии книг, которые не могли выйти в «народной» Польше, и печатавшийся с 1962 г. ежеквартальник «Zeszyty Historyczne» («Зешыты хисторычне», «Исторические тетради»), который публиковал материалы по новейшей истории Польши и соседних стран (Литвы, Украины, Беларуси, России, Латвии), а также аналитические статьи, документы и воспоминания.

engagé (ангажированным, или *пристрастным*, зрителем), если воспользоваться классической формулой, ассоциирующей с другим его собеседником из данного сборника, Реймоном Ароном¹.

В случае Смоляра эта решающая критическая дистанцированность является не только духовной позицией, но еще и географическим фактом. Покинув Польшу в 1971 году из-за бесславных событий Марта 1968-го² и их последствий, которые то и дело мелькают в этой книге, словно тень отца Гамлета, он почти 40 лет прожил в Париже. Из них последние 20 провел между Парижем и Варшавой. Как в долгосрочном, биографическом смысле, так и в чисто оперативном — с недели на неделю — его жизнь можно назвать непрерывным путешествием из Варшавы в Варшаву. Смоляр знает самые свежие подробности каждого, пусть даже ничтожного события в польской политике (которая не раз выглядит удручающей), но вместе с тем способен из парижского далека увидеть более широкую картину. Особенно обогащающими — и это отчетливо видно в данной книге — оказываются тут международные

¹ В первую очередь здесь имеется в виду книга Реймона Арона, называемая как раз «*Spectateur engagé*» (1981), — богатая идеями и наблюдениями беседа с ним двух французских журналистов, посвященная основным событиям политической истории XX века, свидетелем и непосредственным участником которых был этот известный французский социолог и политический мыслитель; она вышла на русском языке под названием «Пристрастный зритель» (М.: Праксис, 2006).

² Март 1968-го — так называют в Польше политический кризис в стране, начало которому положили студенческие протесты, а также политические интриги в руководстве ПОРП. В студенческих волнениях, которые в основном сосредоточились в Варшавском университете, власть официально обвинила евреев. В итоге агрессивные действия властей против митингующих сочетались с репрессиями по отношению к евреям и полякам еврейского или частично еврейского происхождения, которых голословно обвинили в поджуживании студентов. Результатом этого стала «антисемитская» (а фактически антисемитская) кампания, в ходе которой подавляющее большинство из числа 25–30 тыс. евреев и поляков еврейского происхождения, сохранившихся в Польше после Холокоста и усиленной послевоенной эмиграции из-за преследований и погромов (она шла главным образом в Палестину и только что созданный Израиль), было выдвинуто из страны. В итоге эмигрировало, по разным оценкам, около 20 тыс. человек. Разрешение на эмиграцию они могли тогда получить лишь при условии отказа от польского гражданства.

сравнения — и с Центрально-Восточной Европой, и намного более отдаленные. На страницах данного сборника слышны несмолкающие отголоски авторитарного и поставторитарного опыта Испании, Португалии и Латинской Америки.

Подобные «географические» наблюдения переносятся также на литературу. Как и его друг Пьер Хасснер — аналитик международных отношений ароновского извода, — Смоляр тоже производит такое впечатление, словно он все прочитал и каждого выслушал. Его эссе пестрят отсылками к другим авторам и мыслителям, чьи наблюдения он часто сгущает и уплотняет, конденсируя в одну сжатую, меткую формулу. Написанные им тексты, а особенно беседы с ним выглядят будто ларец с драгоценностями, которые он извлекает оттуда с ошеломляющей быстротой. Есть столько вещей, которые надо высказать, а времени так мало... Однако понимание тонкостей, сложностей и нюансов не заслоняет Смоляру более широких перспектив — глядя на деревья, он видит и лес.

У Смоляра есть репортерский дар — умение схватывать существенные детали и значимые подробности (этот талант полностью развился в описаниях посткоммунистической Европы, принадлежащих перу его сына Петра¹). Александр Смоляр отмечает, к примеру, что в 1976–1977 годах маленькие суммы для КОРа собирали даже в некоторых министерствах или что он в 1971 году встретил в Болонье больше коммунистов, нежели перед этим на протяжении всей своей жизни в Польше. Нравится ему также и термин «ольшевики», обозначающий польских правых радикалов после 1989 года². Однако он не задерживается сколько-нибудь долго

¹ Петр Смоляр (р. 1974) — французский журналист польского происхождения. В 1997–1999 гг. был координатором Франко-российского центра журналистики в Московской школе журналистики, затем, в 1999–2001 гг., корреспондентом французской ежедневной газеты «Фигаро» и журнала «Марианна» («Marianne») в России. В настоящее время — редактор иностранного отдела газеты «Монд», часто выезжает в качестве ее специального корреспондента в Москву и Варшаву. Печатается также в британской газете «Гардиан» и других солидных изданиях.

² От фамилии Яна Ольшевского, премьер-министра Польши с декабря 1991 до июня 1992 г., решительного антикоммуниста «большевистского» толка, чьим главным действом на указанном посту стало проведение через парламент закона о лustrации (который, однако, был вскоре признан неконституционным).

на поверхности явлений. В отличие от обычного репортера, для которого первоочередная цель — воспроизвести ощущения, климат, колорит или эмоции, Смоляр, будучи аналитиком, хочет, словно анатом XVIII века, забраться скальпелем под кожу, увидеть мышцы, сухожилия, кости. Хорошим примером этого служит эссе о «Польской революции», которую автор делит на три классических течения: умеренных, радикалов и людей *ancien régime* (*старого порядка*), называемых им в специфическом контексте посткоммунистической Польши «старо-новыми». Это очевидное упрощение, но до чего же оно поучительно!

Наш краткий анализ анализов Александра Смоляра следует дополнить двумя другими, и тоже необходимыми, элементами. Первый — это ясный, четкий и острый стиль, далекий от помпезной и мутной тарабарщины большинства научных текстов, но никогда не соскальзывающий в журналистскую поверхностность. Автор не боится смелых, порою шокирующих тезисов, но всегда подкрепляет их фактами и аргументами.

Во-вторых, разработки Смоляра, как и все хорошие политические анализы, опираются на знакомство с историей. Дело в том, что связи между памятью и историей — индивидуальной и коллективной — представляют собой вторую важную сюжетную канву его писательства, в том числе и в данном томе. Смоляр интересуется память как таковая — *vide* (*смотри*) его поучительные эссе о Франции. Но наибольший интерес вызывают у него две коллективные идентичности, которые можно бы назвать его собственными правой и левой руками, — идентичности польская и еврейская. Не было бы, пожалуй, ошибкой сказать, что обеим этим рукам сильно досталось — как у кого-нибудь такого (автор знает это лучше многих), кто в результате аварии получил болезненный ушиб или травму.

В беседе с Ежи Гедройцем, состоявшейся у Смоляра в середине 1970-х годов, опубликованной впервые в 1986 году, а теперь перепечатанной в данном сборнике и по сей день наполненной живым содержанием, есть такой увлекательный момент. Взвешивая болезненные сложности запутанных польско-еврейских отношений, Гедройц говорит:

«Да, это трудный вопрос, который, кстати, чрезвычайно нам вредит и очень нас отравляет. Но, знаете ли, это ужасный народ». На что Смоляр вставляет единственное слово: «Какой?» А Гедройц отвечает: «Ну, поляки».

В этом месте я чувствую себя обязанным, парафразируя прославленные слова Райнера Марии Рильке («*ein jeder Engel ist schrecklich*», «каждый ангел ужасен»¹), сказать: каждый народ ужасен. Говоря точнее, каждый ужасен по-своему. Германия, Франция, Англия, Америка — каждая из этих стран специализируется в какой-то своей ужасности (Америка, к примеру, в параноидальной охоте на ведьм: в XVII веке это Массачусетс, в 1950-е годы — маккартизм; наконец, вспомним происходящее там после 11 сентября 2001 года). Ужасная национальная специфика появляется и входит в острую стадию в периоды растущей напряженности, войны, экономических срывов и в прочих исключительных ситуациях.

Много есть минных полей и извилистых тропинок во взаимоотношениях между самыми разными европейскими народами — достаточно подумать о таких коллизиях, как англо-ирландские, немецко-русские или кастильско-баскские в Испании. Но с полной убежденностью могу констатировать, что никакие мины не являются более взрывоопасными и никакие тропы — более запутанными (в том числе и эмоционально), нежели те, которые обычно называют польско-еврейскими отношениями. *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!* («Оставь надежду, всяк сюда входящий»².)

С равной убежденностью добавлю, что нет лучшего проводника-вергилия по этому лабиринту, чем Александр Смоляр. Не обходя никаких трудностей, он ясно показывает всю сложность ситуации. Его раннее эссе «Табу и невинность» (1986) остается — при всем, что написано впоследствии, — одним из наиболее нюансированных и прониза-

¹ См. начало первой из его «Дуинезских элегий» (иногда они именуются «Дуинскими»). Существует множество вариантов перевода этого знаменитого произведения Р. М. Рильке, и в некоторых из них данная строка начинается словом «всякий», а не «каждый».

² Это последний стих надписи над воротами в ад. См.: Данте. Божественная комедия. «Ад», III, 9, пер. Дм. Минаева (1874–1879). В более известном, почти классическом, хотя и более современном переводе М. Лозинского указанное место звучит так: «Входящие, оставьте упования».

тельных анализов многочисленных травм 1930–1940-х годов. В более позднем тексте, озаглавленном «Парижский Май и польский Март», он отмечает с ноткой намеренного преувеличения, что абсурдно говорить о польско-еврейском диалоге в современной Польше, поскольку еврейской стороны уже нет. В результате «Польша ведет диалог сама с собой». Анализируя все, что произошло в Марте 1968-го, он пишет: «Ибо власти начали „обезевреивание“ ПНР по той причине, что рассчитывали на популярность такой политики или хотя бы на пассивную благосклонность немалой части общества». Его комментарий насчитывает всего четыре слова: «И они не просчитались».

Затем Смоляр напрямую ставит вопрос, над которым я и сам не раз задумывался: «...откуда столько евреев, евреев-поляков, поляков еврейского происхождения, поляков с еврейскими корнями — ох, какие же у польского языка проблемы с евреями! — среди инициаторов движения 1968 года?» (в числе которых, ясное дело, и он сам). И отвечает предварительной гипотезой: «Так нельзя ли в свете этого интерпретировать ангажированность в мятежные проявления 1968 года как бунт послехолокостовской генерации против трагического груза истории, который обременял поколение их родителей?»

Я бы расширил данную аргументацию. Существует чисто эмпирический тезис, против которого стали бы возражать лишь немногие из зарубежных исследователей польской истории (если таковые вообще бы нашлись): что указанная небольшая группа (с какой бы точностью ни формулировать ее дефиницию) сыграла огромную, несоизмеримую с ее численностью роль в беспрецедентном, растянувшемся на 1968–1989 годы мирном освобождении Польши, а потом, уже в следующем двадцатилетии, в демократизации этой страны и ее интеграции с Европой. Достоин внимания тот факт, заведомо противоречащий рефлексу, который ассоциирует Польшу с антисемитизмом (и который все еще продолжает оставаться куда как частым в Америке, Франции или Великобритании), что на протяжении всего лишь двух десятилетий независимая Польша имела трех глав дипломатической службы еврейского происхождения.

Иными словами, за 20 лет их тут оказалось больше, чем в Америке за 200 лет. Не существует единственного, да еще и простого объяснения этого исключительного польско-еврейского вклада в возрождение свободной Польши. Каждый конкретный человек продвигался несколько иной тропой, и посему одни лишь индивидуальные биографии скрывают в себе убедительный ответ.

Именно эссе Смоляра на данную тему представляются, пожалуй, самыми глубокими во всем этом сборнике; они же принадлежат и к наиболее личным. Но никакое из них не является ни более глубоким, ни более личным, чем тот долг памяти и та честь, которые он воздал Мареку Эдельману, — траурная речь на похоронах последнего, очень метко сделанная завершением данного тома. В этом честном и трогательном эссе автор спрашивает: «Как быть поляком, не переставая быть евреем?» И пишет о «подлинном еврействе» Эдельмана, от которого его самого «отсекла история, варианты, выбранные родителями, да и мои собственные решения в пользу Польши и польскости».

В этом месте, пользуясь своей дистанцированностью инсайдера-аутсайдера, я хотел бы взять на себя смелость высказать одно замечание, которое — как мне представляется — здесь вполне уместно. Многих из ведущих деятелей британской интеллектуальной и публичной жизни можно по некоторым критериям признать евреями. В строго определенных контекстах их можно определить термином «британские евреи». В большинстве ситуаций их назвали бы просто британцами. В более обширных биографических разработках они получили бы название «еврейско-британских» или же «британско-еврейских» писателей, юристов, журналистов, политиков и т.п. С любыми уместными здесь оговорками все это можно, пожалуй, посчитать семантическим признаком некой цивилизованной нормальности. Благодаря выбранным им жизненным вариантам, своей индивидуальности, образу мышления, преданности делу польской свободы, а также мужеству той интеллектуальной ясности, с какой Александр Смоляр смотрит на польско-еврейскую историю, он весьма значительным образом поспособствовал при-

ближению свободной Польши к такому цивилизованному состоянию.

Однако его участие в построении современной нормальности в Польше выходит далеко за рамки этого специфического вопроса. Когда мы говорим о «нормальности», а особенно о «нормализации», весьма показана осторожность. В XIX и в начале XX века Великобританию во многих европейских странах (в том числе и в Германии) ставили в пример как образец современной нормальности, однако сами британцы гордились своей уникальностью. Говоря о «нормализации» в Чехословакии после вторжения в августе 1968 года, Советский Союз имел в виду возвращение к коммунистической норме. После объединения Германии в 1990 году консервативные немецкие интеллектуалы говорили о «нормализации» страны. Они были заинтересованы в том, чтобы Германия как народ и государство больше напоминала сегодняшнюю Францию. Но можно ли назвать Францию начала XXI века нормальной? Что же касается Польши, то ситуацию, когда она является суверенной, независимой и самоуправляющейся страной, когда она на равных со своими западными, северными и южными соседями принадлежит к содружеству безопасности и политико-экономического сотрудничества, следует, рассматривая все перечисленное в историческом аспекте, признать состоянием, которое в основе своей является ненормальным — совершенно неизвестным в новейшей истории Польши.

Однако в Европе начала XXI столетия мы приблизительно знаем, что имеем в виду, — даже если наши нормы были в прошлом (и могут, к сожалению, оказаться в будущем) далекими от нормальности. В сферу этой современной европейской нормальности входит политико-юридический суверенитет, добровольно делегируемый в рамках Европейского союза и НАТО. Но к нему принадлежит также своеобразный психологический и интеллектуальный суверенитет в отношении как прошлого, так и будущего. В первом случае он означает состояние, которое я назвал *мезомнезией*. Это не *гипермнезия* таких территорий, как Югославия 1990-х годов, с маниакальной погруженностью населявших

ее народов в воспоминания о прошлом и с отсутствием ясной границы между ним и настоящим. Но это также и не *амнезия* Германии 1950-х либо Испании 1970-х. История — вещь известная, причем со всеми своими светлыми и темными сторонами. Она публично задокументирована и признана. Но она не вызывает травматичных терзаний ни общества, ни его коллективного сознания. Я считаю, что лишь после 1989 года Польша обрела шанс выработать для себя «нормальный», или, может быть, скорее *здоровый* либо, еще точнее, *здравый* подход к истории. Уже не будучи ее жертвой — в конце концов, страна уже 20 лет принадлежит к стану победителей, — она должна суметь спокойно признать как добро, так и зло собственного прошлого.

Психологически-интеллектуальный суверенитет относится также к будущему. В нескольких местах данного тома Смоляр говорит, что поляки должны научиться думать о себе не только «мы, поляки», но и «мы, европейцы». В качестве европейской страны, с которой считаются другие, Польша имеет теперь все шансы формировать не только собственную судьбу, но и судьбы своей части континента, а также всей Европы в том мире, который становится все менее европейским. (К многочисленным проявлениям публичной деятельности Смоляра принадлежит и участие в группе лиц, руководящих Европейским советом внешних отношений, который занимается выстраиванием европейской внешней политики.) Ведь Польша одна из шести самых крупных стран Европейского союза и единственная региональная держава в его восточной половине. Когда поляки говорят «Запад», то по-прежнему часто думают, будто он находится где-то в другом месте. Сегодня сама Польша представляет собой часть Запада — или же того, что осталось от него в геополитическом смысле во все более постзападном мире. Запад — это мы.

В качестве литератора и комментатора, в качестве аналитика польской политики, которого уважают польские политические деятели левой и правой ориентаций, а также читатели всего мира; наконец, в качестве президента Фонда им. Стефана Батория, играющего в Польше важную роль форума для цивилизованных дебатов о политике и публич-

ных делах¹, Александр Смоляр, как мало кто другой, способствовал возникновению современной, европейской Польши, которая и психологически и политически суверенна во взаимоотношениях с Востоком и Западом, с прошлым и будущим. Об этом свидетельствует представленная здесь подборка его эссе, очерков и интервью за последние 30 лет.

Оксфорд, февраль 2010 г.

¹ Основной метод работы данного Фонда — оказание финансовой помощи неправительственным организациям, действующим на территории Польши и за границей. На это Фонд направляет 80% своего бюджета, предоставляя около 400 грантов в год на сумму 14,5 млн злотых (примерно 5 млн долларов США). Фонд ведет также публичные дебаты на темы, связанные с политикой, общественной проблематикой и международными отношениями, публикует исследовательские материалы и организует конференции, семинары и летние школы.

Я ЕХАЛ В ПУСТОТУ, А ВОЗВРАЩАЛСЯ С РАДОСТЬЮ

1998

Анджей В. Павлючук: *Напомните, пожалуйста, читателям «Тигля культуры», при каких обстоятельствах вы отправлялись в эмиграцию.*

Александр Смоляр: Я уехал в феврале 1971 года; можно сказать, что это была запоздалая мартовская эмиграция. Меня вышвырнули из Варшавского университета, где я был ассистентом. После годичного пребывания в тюрьме я хватался за самые разные занятия, так как не имел возможности продолжать академическую работу. И в результате решил на эмиграцию.

Вначале поехал в Италию; провел первый год в американском высшем учебном заведении в Болонье, Университете Джонса Хопкинса (в Школе международных отношений), а позже искал работу в пяти различных странах, не зная, где буду в конечном итоге жить. Потом я получил работу в Париже, в Национальном центре научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), что, по польским представлениям, было бы эквивалентом Академии наук.

— *Вы сказали, что это была запоздалая мартовская эмиграция. Означают ли такие слова, что ранее вы не чувствовали нажима и вас не принуждали к отъезду?*

— Никто меня к отъезду не принуждал, это было решение, долго вызывавшее внутреннюю борьбу и принятое с опозданием — по причине общей ситуации, в которой я оказался.

— *Какой была эта ситуация?*

— Личная, профессиональная — чувство маргинализации как в личной сфере, так и в профессиональной.

— *С каким настроем вы уезжали из Польши?*

— Прежде всего с большой дозой неуверенности. Для меня, помимо академической работы, всегда оставались важ-

ными публичные дела. Уже много лет я был активно вовлечен в скромную тогда оппозиционную деятельность — она являлась для меня существенным измерением бытия, но, эмигрируя, я не знал, какую модель жизни смогу выбрать. Причем я не был уверен ни в чем, потому что в момент отъезда не располагал ничем заранее устроенным, налаженным, а в первую очередь отсутствовала работа. Я ехал в полнейшую пустоту. Не знал и того, какие у меня будут там, за границей, возможности действовать на благо Польши. Другими словами, достигнув к тому моменту почти тридцатилетнего возраста, я отправлялся в большой мир, не имея никаких ориентиров и зацепок. Но очень скоро — а на самом деле всего лишь полгода спустя — вместе с семьей, которая жила в Швеции, и с кругом друзей мы приняли решение издавать журнал.

— Это был ежеквартальник «Анекс» («Приложение»)?

— Да, «Анекс», который выходил в течение семнадцати лет, с 1973 года.

— Как Европа принимала в то время польскую эмиграцию?

— Польская эмиграция не носила тогда массового характера. Разумеется, все, что произошло в Польше в связи с так называемым Мартом, вызвало большой резонанс, и посему тех, кто выезжал в 1968 и 1969 годах, встречала далеко идущая помощь. Я покинул страну уже в другой период, и моим приоритетом было продолжение академической работы, чем я не мог заниматься в Польше. Поэтому в моем случае не играло роли, как выглядело общее европейское настроение по отношению к эмиграции, зато существенным было решение конкретного учебного заведения — хотят они меня взять или нет. На протяжении года я находился в университете Болоньи, но на очень специфических условиях. В принципе, меня приняли туда как студента, а ведь я уже окончил учебу в Варшавском университете и работал там — в качестве ассистента. Но речь шла о том, чтобы дать мне шанс продержаться год на весьма скромную стипендию, которая составляла 100 долларов в месяц. А когда этот год подошел к концу, я подал заявления о трудоустройстве в учебные заведения сразу пяти разных государств. В общем, как видите, нельзя

говорить ни о каких общих правилах, касающихся приема эмигрантов.

— *Но, надо думать, вас всех рассматривали однозначно — как политических беженцев, как изгнанников?*

— Нас воспринимали как жертв разного рода дискриминации, как беженцев из недемократической страны. Один раз случилось даже, что мой статус беженца из коммунистической Европы помог мне в стараниях по поводу работы. Когда я добивался постоянной должности в уже упоминавшемся Национальном центре научных исследований (НЦНИ) в Париже, там имелись только две вакансии, а кандидатов, как и каждый год, несколько десятков. Я выиграл благодаря своего рода контракту, заключенному в научной комиссии НЦНИ между левыми и правыми. Дело состояло в том, что как раз в тот период, после свержения президента Альенде, нахлынула большая эмиграция из Чили — естественно, левая. Правые согласились на принятие чилийца при условии, что левые согласятся взять меня — эмигранта из Польши. Небезразличной была и поддержка со стороны Реймона Арона, который меня пригрел — я имею право так выразиться — с первых дней моего пребывания во Франции. И это был единственный случай, когда я воспользовался статусом политического беженца.

— *А каким было самочувствие польских эмигрантов? Можно ли говорить, что вы все более или менее сознательно обращались к традициям Великой эмиграции¹, продолжали их?*

— Думаю, последним поколением, испытывавшим такое чувство, являлась военная эмиграция, которая сохранила институты независимой Речи Посполитой, — она обладала сильным чувством национальной легитимности. В ней была жива романтическая традиция и непосредственное обращение к опыту Великой эмиграции.

Впоследствии отъезды из Польши представляли собой уже, скажем, узенький ручеек, не было массового явления изгнанничества, которое наделяет людей легитимным правом

¹ Так называемая Великая эмиграция, охватившая самых выдающихся представителей польской культуры и насчитывавшая много тысяч человек, началась в 30-е годы XIX века, после поражения первого польского восстания против Российской империи (1830–1831).

представлять свою страну. Ну, а уж в нашем случае любые попытки претендовать на создание за границей польского Пьемонта были бы доказательством мегаломании и выглядели бы смехотворно. В нас, разумеется, присутствовало чувство того, что наши действия на чужбине должны служить стране, но без всяких мегаломанских притязаний. На эту тему я вел спор с Густавом Херлингом-Грудзиньским¹. Окружение [парижской] «Культуры» пришло к выводу, что после 13 декабря 1981 года центр тяжести польской национальной жизни снова перемещается в эмиграцию. Это был фальшивый диагноз, но я понимал, что поколение Херлинга-Грудзиньского имело право так думать.

Не являлось случайностью, что свое издание мы назвали «Анекс» («Приложение») — одновременно оно было и скромной программой. Наша деятельность задумывалась именно как приложение, добавка, дополнение к тем разнообразным независимым действиям, которые предпринимались в Польше.

— *А было ли для вас очевидным, что нужно сразу же приступить к работе на благо страны? Ведь, как ни говори, именно такова традиция каждого поколения польской политической эмиграции.*

— Да, разумеется, но с чувством большой скромности и внимательно прислушиваясь к голосам тех кругов и групп в Польше, которые проявляют интеллектуальную и политическую активность. Ведь мы — а я говорю о немногочисленном сообществе, сконцентрированном вокруг ежеквартального журнала «Анекс», — не протаскивали силой никакую

¹ Густав Херлинг-Грудзиньский (1919–2000) — видный польский писатель. В 1940 г., успев создать в Варшаве одну из первых подпольных организаций для сопротивления фашистским захватчикам, бежал как еврей в Литву и был немедленно заключен советскими властями в лагерь. Об этом — его книга мемуаров «Иной мир: Советские записки» (1953), которую иногда сравнивают с «Архипелагом ГУЛАГ» или «Колымскими рассказами»; она выходила по-русски в переводе Н. Горбаневской (London: Overseas Publications Interchange, 1989). После длительной голодовки был освобожден. Сражался в армии генерала Андерса, участвовал в битве под Монте-Кассино. После войны эмигрировал в Англию, с 1955 г. жил в Италии. Был одним из создателей и соредкторов парижской «Культуры», а также ее важным автором. Среди других его публикаций на русском языке — «Горячее дыхание пустыни. Белая ночь любви» (М.: МИК, 2000).

конкретную политическую программу, не навязывали никакую идею. Нам скорее хотелось снабжать читателей некой духовной пищей, и поэтому мы публиковали политические анализы «с разных сторон». Ибо у нас, разумеется, имелось и ощущение и понимание того, что мы не владем никаким ответом на польские проблемы. Мы искали, а не убеждали. Таким образом, это в большей мере было своего рода посредничеством между тем, что происходит на Западе, и поляками, живущими на родине или в эмиграции. Благодаря тому, что мы вращались в тамошние научные сообщества и в круги, формирующие общественное мнение, у нас появлялась возможность привлекать к выступлениям по польским делам, к защите польских оппозиционных группировок многих выдающихся людей Запада. У нас установились также очень развитые контакты с зарубежной прессой, радио, телевидением. К примеру, не помню случая, чтобы «Монд» отказал мне в опубликовании информационного материала либо статьи, которые я считал важными. Отношения были хорошими, и газета питала доверие к тому, что я им приносил. В результате сложившиеся у нас интеллектуальные связи с тамошними кругами давали две вещи: мы имели доступ к влиятельным лицам и, кроме того, оставались независимыми в финансовом плане. Мы не жили, и у нас не было нужды жить за счет действий ради Польши; впрочем, таких денег тогда и не бывало.

— *Если смотреть с той, зарубежной, перспективы, то имело ли существование и деятельность эмиграции какое-нибудь значение для ситуации в родной стране?*

— Думаю, имело, хотя оно оставалось ограниченным. Во-первых, для поляков на родине было значимым, что вообще существовало независимое слово, которое не контролировалось пээнэровской властью. Позднее, в 1980-е годы, когда в Польше стало бурно развиваться независимое издательское движение, такое значение эмигрантских публикаций резко падает. Во-вторых, заметным и важным явлением было информирование страны о том, что делается в самой Польше; это интегрировало, сплачивало распыленные оппозиционные группы. Благодаря нашему посредничеству радиостанция «Свободная Европа» оповещала жителей

[глухой провинции вроде] Млавы или Конина об оппозиционной деятельности в других городах. Тем самым эти люди с периферии не чувствовали себя одинокими, видели смысл в своем сопротивлении, группировались вокруг общей идеи. В ситуации, когда власть блокировала каналы прохождения информации, это было необычайно важным.

А в-третьих, благодаря нашим контактам мы могли воздействовать на международное общественное мнение. Нам удавалось даже мобилизовывать интеллектуальные круги на Западе, инспирировать письма с протестами, подписанные известными личностями из мира политики, науки и культуры. За последние годы эта форма действий утратила актуальность, но в ту пору, в 1970-е и 1980-е годы, она еще имела значение, и подобное письмо крайне нервировало тогдашние власти ПНР.

У нас имелись также очень хорошие политические контакты со многими демократическими партиями на Западе. Поэтому, если возникала потребность, можно было с легкостью устроить встречу с самыми видными политиками тех стран и изложить им нашу точку зрения. Таким способом я, например, познакомился с Миттераном, который позже стал президентом Франции.

— Не этому ли знакомству Миттерана с делами Польши генерал Ярузельский «был обязан» очень холодным приемом в Париже в 1985 году? Возможно, есть смысл напомнить о тех событиях, поскольку они стали в Польше темой многих острот и анекдотов. Так вот, Ярузельский возвращался тогда домой после официального визита в Ливию, где — понятное дело — его принимали со всеми почестями. На обратном пути в Польшу он непременно хотел нанести визит президенту Франции. Однако никакого официального приветствия, со всеми положенными знаками внимания, не было. Французы восприняли его приезд как частный визит; Миттеран, правда, принял Ярузельского, но тот вошел в Елисейский дворец не через парадный подъезд, а — как говаривали парижане — по кухонной лестнице, через черный ход, или же, если хотите, вход для прислуги. Миттерану пришлось все-таки выслушать впоследствии массу критических замечаний от местных интеллектуалов и политиков. Даже премьер-министр Фабиус был к нему в претензии за то, что он принял польского генерала.

— Я бы не переоценивал роль польской эмиграции, хотя наши контакты с французскими политиками были живыми и дружественными. Помимо Миттерана, я контактировал также с будущим премьер-министром Франции Лионелем Жоспеном и с сегодняшней верхушкой тамошней политической жизни.

— *Выходит, к польским беженцам на берегах Сены относились даже столь серьезно?*

— Не в том дело. Если в демократической стране кто-то очень хочет встретиться с лидером крупной партии, то в конечном итоге его примут. А во-вторых, когда располагаешь определенными связями, имеешь влиятельных друзей, всегда можно их попросить о возможном облегчении контакта.

Я неплохо знал нескольких по-настоящему выдающихся французских ученых, а коль скоро они питали ко мне доверие, то для них облегчить мне контакт с влиятельным политиком было вопросом единственного телефонного звонка. Это, понятное дело, не означает, что из таких встреч всякий раз вытекали конкретные последствия. Самым важным было, однако, что такие встречи удавалось организовать и я мог разъяснить нашу точку зрения; аналогично в Соединенных Штатах, Испании, Англии, Скандинавских странах и в Италии польская эмиграция обладала хорошими и живыми контактами с местными политическими лидерами. Немного хуже с этим обстояли дела в Германии.

В-четвертых, наконец, наша роль состояла также в организации материальной помощи тем лицам, которых преследовали в Польше. Прежде чем заработала большая помощь со стороны западных профсоюзов, в 1970-е годы именно мы в значительной степени собирали деньги и пересылали их в страну — для помощи КОРУ и тем, кого режим репрессировал.

— *Никто еще тогда не верил в скорое падение коммунизма, в распад СССР и в то, что Польша добьется для себя независимости. Не отражалось ли это на вашей вовлеченности в дела страны?*

— Нет, хотя признаюсь, что не мог себе тогда вообразить собственного возвращения в Польшу. И поэтому, посвящая массу времени польским проблемам, часто за счет академической работы, я не питал такого же оптимизма, как некогда

военная эмиграция. Те люди верили, что через парочку лет начнется очередная война и они вернутся в свободную Польшу. А вот среди нас никому и в голову не приходило, что перемены наступят столь молниеносно. Тогдашний мир и его политическая структура казались стабильными на много десятилетий вперед. Даже если кто-либо и верил, что коммунизм должен рухнуть, то все равно никто не мог сказать, когда это наступит.

— *Нуждались ли вы все-таки в чувстве осмысленности своей работы?*

— Да, безусловно, но это чувство осмысленности не связывалось у нас с какими-то отдаленными, максимальными целями. Такой смысл мы видели скорее в самом создании островов свободы в Польше или хотя бы в помощи тем людям, с которыми когда-то дружили в Польше. Это было чувством долга не только перед базовыми ценностями, но и перед конкретными людьми, которые подвергались преследованиям. С нашей стороны тут была уже не политика, а обыкновенная порядочность.

— *А вы помните, в каком году вокруг вас начали думать и говорить, что годы господства коммунизма уже сочтены?*

— Всегда попадались люди, предсказывавшие это. К примеру, Амальрик, который поставил вопрос, просуществует ли Советский Союз до 1984 года, не так уж сильно ошибся. Эммануэль Тодд, молодой и блестящий французский историк, опубликовал в 1970-е годы книгу *La chute finale* («Окончательный крах»)¹, где весьма реалистично, как впоследствии оказалось, описал распад Советского Союза. Но эти книги не отражали повсеместного образа мыслей о будущем СССР. По-настоящему шансы на падение коммунизма начали замечать едва ли не в самый последний момент.

— *Вы вернулись в страну в 1989-м?*

— Если по-серьезному, то немного позже, в 1990-м.

— *Какой вы нашли Польшу после стольких лет?*

— Впервые с момента отъезда я побывал в Польше в 1987 году — получил специальную визу и приехал на похороны. Для меня это был шок, нечто невообразимое. Возвра-

¹ *Todd E. La chute finale. Paryż: Robert Laffont, 1976. — Примеч. авт.*

щался я по истечении целых шестнадцати лет, а у меня сложилось впечатление, будто ничего, абсолютно ничего не изменилось. Я обнаруживал те же самые дыры в тех же самых местах, те же самые испорченные неоновые светильники и развалившиеся заборы, те же пустые витрины и запыленные стекла — словом, по-прежнему продолжало невозмутимо существовать то же самое уродство материального мира. Восточная Европа узнавалась даже по запаху, потому что бензин пахнул здесь совсем иначе, чем на Западе, где его вонь, по существу, не ощущается. С закрытыми глазами можно было распознать, в какой момент ты пересек границу двух систем. По прошествии шестнадцати лет я очутился ровно в том самом месте, откуда уехал. Это было невероятное чувство — жутковатое и удручающее. Когда я приехал в 1990 году, дела обстояли уже совсем иначе. Видна была огромная тяга к изменениям.

— *А удалось ли вам заметить изменения в людях?*

— Признáюсь, поначалу я испытывал сомнения насчет протекания перемен в Польше, не думал, что они будут такими быстрыми и фундаментальными, что в людях обнаружится столько энергии. Ведь общество было столь страшным образом перепахано оккупацией, войной, изменением границ, а позднее прошло испытание кошмарными годами сталинизма и последующим социализмом. Поэтому я опасался, что в поляках будет значительно меньше динамизма, чем в чехах или венграх. А все, как оказалось, обстояло полностью наоборот.

По-прежнему для меня остается неразгаданной тайной, каким путем наше общество, лишенное высших и средних классов, по сути дела крестьянское общество, с его традиционализмом и культурным консерватизмом, нашло в себе ту brutальную динамику, которая служит источником развития на протяжении последних десяти лет. Для меня в этом есть нечто завораживающее.

— *После возвращения вы сразу заняли важный правительственный пост советника премьера Мазовецкого, а затем — главы команды его советников. Скажите, пожалуйста, была ли эта работа трудной? Часто ли вашу точку зрения не понимали и не принимали во внимание?*

— Я четко ощущал границы собственной компетентности. Иными словами, там, где я видел, что мое длившееся немало лет отсутствие в стране может оказаться препятствием в понимании сложных проблем, я проявлял сверхосторожность при формулировании суждений. Зато в вопросах, например, внешней политики мой эмигрантский опыт был весьма уместен и полезен.

— *С радостью ли вы возвращались в Польшу?*

— Безусловно да! Во-первых, я приезжал в страну свободную и суверенную, а следовательно, отличавшуюся от той, из которой уезжал. Но в более глубоком смысле я, однако же, возвращался в ту самую Польшу. Это было ощущение человека, снова оказавшегося у себя, среди своих. В Париже я чувствую себя отлично, полностью врос в тамошнюю жизнь, среду, общественный и интеллектуальный климат, по-прежнему сотрудничаю с редакциями целого ряда журналов, поддерживаю связи с некоторыми политическими партиями, но после пяти минут пребывания в Польше я опять стал понимать каждый культурный код, каждую человеческую реакцию. И поэтому для меня ощущение, что столь длительное, многолетнее отсутствие перестает существовать в течение парочки минут, было по-настоящему великолепным.

— *Этот ваш оптимизм, ваша вера в Польшу и поляков очень ценны. Но, к примеру, Ежи Гедройц — хотя его заслуги перед Польшей неоспоримы — не хочет приехать в страну, а недавно в интервью для журнала «Впрост» («Напрямую») он даже открыто сказал, что «польское общество одичало».*

— У меня не хватило бы мужества так выражаться, так обобщать. Но ведь последние инциденты с молодежью в Слупске и Катовице¹ доказывают, что дела действительно обстоят нехорошо. Перед нами огромная культурная проблема, и неизвестно, как ее решить. Я понимаю, что это следствие очень многих явлений и всего, что происходило в Польше на протяжении предыдущих десятилетий, ба, более того — это даже последствия давних времен войны, массовых миграций, разрыва общественных связей, а также

¹ Имеются в виду беспорядки, учиненные в начале 1998 г. (с интервалом в несколько дней) болельщиками этих двух городов в связи с футбольными матчами.

результаты перемен последних лет, когда произошло много страшных человеческих драм. Возьмем хоть бы огромный шок безработицы для нескольких поколений, которые вообще не имели понятия о безработице, или, наконец, пышное, нарочито демонстративное потребление некоторых социальных групп, которое дразнит и раздражает молодых людей, особенно тех, кто не видит для себя никаких шансов и перспектив на лучшую жизнь. В итоге можно сказать, что существуют отчетливо наблюдаемые элементы общественного одичания, и это на данный момент является в Польше основной проблемой, но то же самое — надо помнить — имеет место и на Западе, зачастую в масштабах, ничуть не меньших, нежели у нас. Таким образом, если мы оцениваем перемены после 1989 года, то я считаю, что Польша проходит через этот период цивилизованным образом.

— *Значит, мы не растратили этих десяти лет впустую?*

— Совершенно напротив! Разумеется, можно — что как раз и делает Ежи Гедройц — ставить планку еще выше, и даже важно, чтобы люди, обладающие большим авторитетом, выдвигали более высокие требования. Я, однако, со своей позиции наблюдателя и аналитика окружающей действительности вижу множество великолепных, позитивных вещей, которые удалось сделать после 1989 года.

— *Как вы сегодня оцениваете свой эмигрантский опыт?*

— С экзистенциальной точки зрения всякая эмиграция — неповторимое переживание. Этому опыту присущи, естественно, разные измерения. Один год в Италии, еще год в Соединенных Штатах, почти год в Англии и долгое пребывание во Франции дали мне разные варианты опыта, которые очень сильно обогащают меня как человека.

Помимо этого существенным был культурный опыт, познание других миров, а это опять-таки давало возможность взглянуть на свою страну с совершенно иной перспективы. Часто я переживал также боль отсутствия, но это такое чувство, рассказывать о котором я не способен.

— *Не поддадитесь ли вы в конце этой беседы искушению сформулировать какие-то предсказания по поводу будущего Европы? Что нас ждет в ближайшее время? Предстоит ли нам достаточно длительный период спокойствия и мира?*

— Думаю, что да. Впервые за сотни лет Польша оказалась в безопасной гавани, хотя это, естественно, не означает, что проблем не будет. Огромная неуверенность связана с развитием событий на Востоке. Уже в марте состоятся выборы в Украине, а их результат, которого сегодня не знает никто, может не только изменить ситуацию в этой большой стране, но способен также отразиться на атмосфере в Польше. Не предполагаю, чтобы нам с той стороны что-нибудь угрожало, но у нас может возникнуть элемент беспокойства и какой-то дестабилизации. Далее, неизвестно, что произойдет с Россией, а ведь это страна, которая еще на протяжении десятков лет будет переживать потрясения и с трудом приспособливаться к современности, и указанные процессы тоже окажут влияние на ситуацию в Польше.

Сама же Польша будет интегрироваться с Европой и евро-атлантическим сообществом, хотя, наверное, не столь быстро, как об этом говорится в различных официальных декларациях.

— *Благодарю за беседу.*